

В СЕМЬЕ ВОЛЬНОЙ, НОВОЙ

ОН ОБХОДИТ МОРЯ И ЗЕМЛИ...

Нафи Джусойты — наш осетинский друг. Воевал за Украину. Читает нашу литературу в оригинале. Переводил Тараса Шевченко и Лесю Украинку, писал стихи о них, о современных украинских писателях. Профессор и поэт, исследователь и переводчик, писатель глубокого ироничного ума и доброго отзывчивого сердца, он всегда дотошно расспрашивает, что происходит в родной его сердцу земле над Днепром. «Он обходит моря и земли» — назвал он свою статью о Тарасе Шевченко.

Иван ДРАЧ.

Тарас Шевченко — столь многогранное и самобытное явление, что человеческим словом так никогда и не будет уловлена вся суть и вся тайна его поэзии, его героического подвига и человеческого обаяния. Его портрет так и останется в веках недописанным, каждому новому поколению будет что сказать о нем. Слово Шевченко реяло над российскими просторами, плакало и пело, грустило и тосковало, издевалось и обличало...

Стихи Шевченко мы, горская детвора, учили в школе. Разумеется, прежде всего знакомили нас с «Заповітом» — «Як умру, то поховайте...» — и с «Кавказом». Читали их на родном языке. Но в старших классах могли уже читать на русском. Случилось так, что я тогда же по слогам стал разбирать стихи Шевченко и в подлиннике. И странно, меня пленил не «Кавказ». Слишком сложен и недоступен он был для моего понимания. Неожиданно самым «своим», самым «горским» оказалось чистое и простое, как улыбка ребенка, стихотворение «Садок вишневий коло хати».

Ныне я понимаю, что творчество поэта в каземе, в Орской крепости, на Кос-Араде, да и позднее двухсложно: стихи о своем «лютом горе» перемешаны со стихами о

«младенческих снах», о далекой и ненаглядной Украине.

«Садок вишневий...». Слово — маленький островок в бескрайнем море каземе, но и в безмерного горя узника. Даже могучей воле Шевченко нужны были такие островки, чтобы превозмочь это бездонное горе и эту долгую ночь. И такими островками были видения Украины.

И совсем в другом ключе создан «Кавказ». Кажется, что стихия в нем так и не перестала бушевать за долгие годы со времен сотворения его, но в то же время ясно видишь, что в нем ни звука стихийного — все взвешено, все выстроено по тончайшему чувству правды и красоты. В думах поэта, в его «лютом горе» сошлись и перемешались слезы Украины и кровь кавказских горцев.

Все это я понимаю ныне. В миниатюре «Садок вишневий», нарисованной рукой великого мастера, картина до невероятности напоминала то, что происходило в моем родном селе в летнюю пору, в вечерних сумерках. И я стал переводить, невольно подменяя черты украинского сельского быта деталями горского обихода. Появилось и новое название — «Летний вечер в горах». Но мой неопытный глаз многого так и не увидел за кажущейся простотой. Шевченко komponует как

живописец — крупно, плотно сдвигая детали в пространстве; возвращение с пахоты, вечерняя трапеза, сон. И все собрано вокруг образа матери: она ждет, кормит, укладывает спать.

Все просто и сложно в то же время. И приходит на ум, эту сложность простоты порой не замечаем и в свои седые годы. Сложность «Кавказа» очевидна. Но ведь и самые простые вещи у Шевченко по-своему сложны, даже то, что написано в духе народной лирики...

Понимаю, что учить народ, преображать его дух дано не каждому талантливому, даже великому поэту. На это надо иметь еще и особенное нравственное право, выстрадать это право, как вождь, как пророк. Но Шевченко и обладал всеми свойствами поэта-пророка в идеальной пушкинской версии — необычайной проницательностью мысли, исключительным слухом и зрением, глаголом и вечно горящим сердцем. И право на свою пророческую миссию он выстрадал, как никто другой, всей своей жизнью. Умысел царской расправы в том и заключался, чтобы пророка превратить вновь в смиренного подданного. Но пророки такого масштаба и такой пророческой силы, как Шевченко, не знают попятного движения. Можно их замучить в кандалах, можно одеть в солдатские шинели и выбросить на горячий песок пустыни, но превратить в покорствующих подданных — нельзя, сломить их великую волю — нельзя, убить их глагол — нельзя.

Мы все восхищены героической неустрашимостью Шевченко. Он вышел на единоборство с вековой несправедливостью, со злом в царской короне. И не только устоял, но и победил. Однако сам Шевченко вряд ли рассматривал это, как подвиг. Для него это было естественным человеческим поведе-

нием, шевченковским деянием, продолжением его пророческой миссии. Он непримиримый воитель. Он ненавидел все рабское, холопское, барское в жизни людей и в духовном мире человека. Он обличал, высмеивал, издевался, разрушал все, что отравляло человеческую душу скверной рабско-барских отношений. Надо было расчистить поле для посева добра, высокого сознания человеческого достоинства, правды и справедливости. Во всех своих деяниях Шевченко прежде всего создатель, сеятель, творец.

Шевченко произведения о своем «лютом горе» всегда писал словно свое последнее слово перед казнью. И не только в смысле ожидания кары за свое слово. Это он знал и не особенно страшился этой кары. Вопреки царскому запрету, он и в тюремной темнице «віршував», исповедовал свою веру. Но я имею в виду другую особенность психологии творчества Шевченко. Каждое произведение о «лютом горе» пишется с ясным сознанием, что это, быть может, последняя возможность высказаться. В каждое такое произведение он вкладывал все себя — все свое гневное неистовство, всю боль, всю мудрость, всю ненависть и всю любовь. Потому, мне кажется, эти стихи так многослойны и так необычны по мастерству.

Поэзия Шевченко потому и способна вечно творить добро и красоту, воспитывать чувство справедливости и достоинства в человеческой душе, что круто замешана на великой любви к людям.

Понимаю, что его пророческая миссия продлилась, что он и ныне обходит «моря и земли» и своим глаголом зовет людей к братству, к добру и справедливости, ко всеобщей воле.

Нафи ДЖУСОЙТЫ.

г. Цхинвали.

Письма из Казахстана

ПОМНИТ КОБЗАРЯ МАНГЫШЛАК

Казахское издательство «Онер» («Искусство») выпустило в свет книгу-альбом «Щедроты сердца» на трех языках: казахском, русском и украинском, утверждая тем самым братскую дружбу наших народов. В ней отражена одна из интереснейших сторон разнообразной творческой деятельности великого украинского поэта-демократа, художника Т. Г. Шевченко в годы жизни на казахской земле (1847—1857).

Как известно, Тарас Григорьевич за свои произведения, звавшие угнетенных к борьбе с царизмом, был сослан в суровую безводную пустыню полуострова Мангышлак рядовым в гарнизон Новопетровского укрепления (ныне город Форт-Шевченко). Будучи в ссылке, великий Кобзарь проник глубоким сочувствием к местному трудовому люду. Бесправное положение казахской бедноты «будило душу» поэта. Несмотря на строжайший запрет писать и рисовать, на Мангышлаке он создал половину своего поэтического наследия, почти всю прозу, сотни рисунков. Вместе с экспедицией преодолел сот-

ни километров выжженной солнцем степи. Мечта кочевников стала его мечтой — увидеть «степь ожившей».

Обо всем этом повествует новая книга. Ее составители и авторы вступительной статьи Г. Паламарчук и В. Судак знакомят с творчеством Кобзаря за десятилетия жизни на казахской земле, рассказывают о перемещениях за годы Советской власти и в жизни его людей, осваивающих сокровища недр Мангышлака. В книгу включены репродукции рисунков и картин, созданных Т. Г. Шевченко во время ссылки. Его акварели как бы светятся изнутри, вызывая желание постоянно всматриваться в них.

Книга «Щедроты сердца» оформлена с большой любовью и вкусом. Репродукции в полной мере передают живописную палитру Шевченко-художника.

Мангышлакцы свято хранят память о великом сыне братского украинского народа Т. Г. Шевченко, именем которого назван областной центр. Для увековечения памяти Кобзаря на полуострове открыт мемориальный му-

зей, на бульваре 50-летия Советской власти города Шевченко в октябре 1982 года установлен памятник великому поэту. В день открытия памятника в его основание была замурована капсула с землей, привезенной из Канева, с могилы Кобзаря. Ежегодно здесь в марте проходят Шевченковские дни.

М. СТЕШЕНКО.

Первоцелинник, ветеран труда.

Его по праву считают одним из основоположников национальной казахской живописи. Достаточно сказать, что из всего изобразительного наследия этого периода, насчитывающего почти 450 работ, около 350 посвящено жизни и быту казахского народа, природе Западного Казахстана.

Большой любовью и теплотой к простым казахам и ненавистью к их угнетателям, подлинным гуманизмом проникнуты рисунки «Казахские дети-байгуши», «Государственный кулак», «Казахский мальчик растапливает печку», «Казахи у огня», «Казахи в юрте», «Казахский мальчик играет с кошкой» и др.

Акын Тарази — поэт справедливости, так называет казахский народ великого Кобзаря.

Н. КОЛИНКО.

Журналист.

Алма-Ата.

ИЗ ВЕКА В ВЕК...

Из века в век шагнули строки,
И снова молоды слова:
«Рече та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива»...

Где я их слышала впервые?
Должно быть, в школе.
...и меня
Учила петь моя Россия,
Их в доброй памяти храня.

И «Заповіт» вошел мне в душу,
Как заповедь,
Как зов отца —
И мудрость в нем,
...и прямоту,
И жизнь, которой нет конца.

Да будет так, как заповедал
Вослед идущим «Заповіт»!
И вот на все четыре света
На всех наречиях звучит
Тараса огненное слово —
И осеняющее нас,
И обжигающее снова
И красотой своей суровой,
И правдой жизни без прикрас,
И страстью гнева,
И любовью,
И материнской слезой,
Родной поэзии страдою,
Ее тернистою стезей.

Мария КОМИССАРОВА.
Лауреат премии имени
Максима Рыльского.